

Евгений Деменок

Одесситы едят Бурлюку

Часть вторая

Пословица «на ловца и зверь бежит» полностью оправдалась во время подготовки настоящей публикации. После того как первая часть уже была сдана в редакцию, я нашел среди тысяч фотографий, сделанных мной в Сиракузском университете, еще одну поздравительную открытку в адрес Давида Бурлюка от Макса Поляновского, а в фондах Одесского литературного музея – телеграмму от Бурлюка Осипу Кольчеву. Спешу ими поделиться.

В своей поздравительной открытке с новым 1962 годом Макс Поляновский пишет о Маяковском:

«С Новым годом, дорогие Давид Давидович и Мария Никифоровна! Шлю лучшие пожелания, прежде всего крепкого здоровья и большого заряда бодрости, чтоб хватило еще на десятилетия.

Подготовил к новому переизданию (третьему по счету) свою книгу «Поэт на экране» (Маяковский киноактер), сделал ряд дополнений, больше печатного листа. Уже рецензировал Перцов*, дал положительный отзыв. Полагаю, книга выйдет к 70-летию рождения Маяковского – в 1963 году. В ней будет фото из фильма – за столом в кабачке сидят Маяковский, Бурлюк и Маргарита Кибальчич. Если что-нибудь о ней знаете, сообщите срочно. Хочу рассказать о ней подробнее в книге, не могу ничего узнать.

Когда-то Д. Д. обещал мне написать об ателье и «Нептун». Если пришлете, то успею вставить в переиздание.

Обратите внимание на мой новый адрес.

---

* Виктор Осипович Перцов – советский литературовед и литературный критик, исследователь биографии и творчества Владимира Маяковского, автор «официальной» биографии Маяковского в 3-х томах.

*В ноябре скончался В.В. Каменский. Корней Чуковский отметит
весной 80-летие.*

Еще раз с Новым годом!

Жду ответа,

Макс Поляновский.

Москва, Ж-4, Товарищеский пер. 17-а, кв. 68»

Открытка Колычеву от Бурлюка датирована 14 ноября 1963 года: «Дорогому Осипу Яковлевичу Колычеву поздравления с Новым 1964 годом и всесезонные лучшие пожелания». Интересно, что Осипа Колычева упомянула в одном из писем Бурлюку художница Евгения Ланг, у которой был короткий роман с Владимиром Маяковским и которая познакомилась и с ним, и с Бурлюком на похоронах Валентина Серова 24 ноября 1911 года. Уже в 1960-х по инициативе тамбовского коллекционера, «духовного сына» Давида Бурлюка, Николая Алексеевича Никифорова, Ланг начала переписку с Бурлюком, которая вскоре прервалась опять же по просьбе Никифорова – Давид Давидович начал чересчур критично отзываться в своих письмах о советской действительности, и это могло привести к неприятностям для Ланг. В возрасте 72 лет, в 1962 году, прожив за рубежом сорок три года, она вернулась из Парижа в Москву по приглашению сестры Маяковского Людмилы Владимировны и была неплохо устроена в СССР – получила хорошую пенсию и квартиру. Поэтому наживать себе неприятности из-за переписки, пусть и с другом «лучшего, талантливейшего поэта нашей советской эпохи», но к тому моменту уже «старым» эмигрантом, ей было не с руки. В своих письмах Бурлюку она не раз подчеркивала свою преданность социалистической родине: «Никакой француженкой я не стала и стать не могла ни при каких обстоятельствах. Я ведь – исконная москвичка...». И хотя вернулась она в СССР почти наверняка по финансовым причинам – жить во Франции на выручку от продажи картин стало почти невозможно, о чем сама она рассказала в своем интервью литературоведу Виктору Дувакину, – сама она это отрицала, рассказывая в переписке Бурлюку о том, что картины ее в Париже продавались «на корню», и жила она очень хорошо. Поддерживая негативное отношение

Людмилы Маяковской к художникам-авангардистам, друзьям ее брата, Ланг писала Бурлюку 16 июня 1964 года: «Я совершенно солидарна с теми принципами, которыми руководствуются в этом отношении на моей Родине. Живопись как таковая, если хочет быть жизнеспособной – возможна исключительно реалистическая». Правда, и импрессионизм, и сюрреализм она тоже причисляла к живописи реалистической.

В отношении Колычева она писала: «Вы пишете, Додичка, что поэт Колычев очень «обиделся» за то, что Вы назвали жизнь на нашей Родине – «провинциальной». Я тоже нахожу, что это определение абсолютно неправильно само по себе».

Тем не менее переписка Давида Бурлюка с Осипом Колычевым привела к интересным последствиям – именно у Колычева взял адрес Бурлюка писатель, автор мемуаров Леонард Гендлин, который встречался с Давидом Давидовичем и Марией Никифоровной во время их второго – и последнего – визита в СССР в 1965 году и оставил об этом замечательные воспоминания.

Еще одним советским корреспондентом Давида Бурлюка, имевшим непосредственное отношение к Одессе, был художник Виктор Маркович Мидлер. Виктор Мидлер родился 21 декабря 1888 года в семье еврейских портных в городе Ямполье Каменец-Подольской губернии, сейчас это Винницкая область, и вскоре после рождения его родители переехали с ним в местечко Томашполь Ямпольского уезда. В возрасте 13 лет он окончил городское училище в городе Ямполье, после этого сдавал экстерном экзамены в гимназии города Немирова, а с пятнадцати лет – в Одессе, при 4-й одесской гимназии. В начале 1900-х семья Мидлеров переезжает в Одессу (в интервью с Виктором Дувакиным Мидлер вспоминал, что неподалеку от мастерской отца жил Менделе Мойхер-Сфорим). Увлечение рисованием и знакомство с Амшеем Нюренбергом, с которым Виктор подружился настолько, что поселился у него в квартире, привело к поступлению в 1908 году в Одесское художественное училище, которое он окончил в 1913-м. Учителями его были Ладыженский и Костанди, а в одной группе с ним в 1910-11 годах занимался Владимир Бурлюк. Вот как рассказывал в марте 1972 года Виктору Дувакину о знакомстве с Бурлюками в Одессе сам Мидлер:

«В. М.» – Дело в том, что я вам рассказывал уже, что я вступил в Художественное училище Одессы, когда Давид Бурлюк кончал. Но я там учился вместе с его братом. Владимир был со мной в одном классе. <...> Дело в том, что Владимир Бурлюк атлетом был. И мы были – он был здоровым, крепким мужчиной, уже взрослым, а я был еще юношей, вступившим только в эту школу. И вот что было интересно тут. Владимир Бурлюк, кроме того, что он был учеником, начальным (это было самой первой группой только начальной), он уже был и поэтом тоже. Так что и Давид, и Владимир писали уже стихи и были известны как поэты тоже. <...> Я не говорю, что он был известен в мире, но он был известен в кругах наших как поэт, как молодой поэт начинающий. И еще же был у них один брат, более интересный поэт.

В. Д.: – Николай.

В. М.: – Николай, да. Что вызывает у меня улыбку – это воспоминания вот какого рода. Он был атлет, а я был худенький мальчик. И он каждое утро, приходя в школу, вызывал меня: «Ну, Виктор, садись, будем руки перегибать. Кто сильнее из нас». Окружали нас все ученики и смотрели на это. ... Это было смешно, потому что мне трогать его руку уже казалось подвигом с моей стороны, не только положить ее. Но он при этом так театрально кричал, возился, казалось, что ему чрезвычайно трудно перебороть мою руку. И когда в конце концов он все-таки положил мою руку, то раздавались аплодисменты всех присутствующих студентов (*смеется*).

В. Д.: – А он ни разу не дал вам положить его руку?

В. М. (*смеется*): – Не то что не дал – я и не пытался этого сделать. ... Ну, это даже смешно было бы: понимаете, атлет, борец, гиревик и черт его знает что еще. Я брал его руку, так прижимал... ну это, можно сказать, как к фонарному столбу. <...> Это начальное наше знакомство. Затем Бурлюк кончил в этом году школу и уехал в Москву, и вступил в Школу живописи, ваяния и зодчества, и с тех пор я с ним уже не встречался. Мог с ним встречаться только уже в 14-м, 13-м, 15-м годах, когда он уже кончил школу и был уже... на вечерах, когда вместе с Маяковским, с Василием Каменским выступали».

Одесса тех времен, по словам Мидлера, была городом, насыщенным искусством и культурой, куда приезжал с гастрольями Шаляпин, польский пианист Годовский, а дирижер Иосиф Прибик, «чудесный знаток и талантливейший дирижер», прививал одесситам классическую музыку высшего порядка. Мидлер приятельствовал с Эдуардом Багрицким, который посещал занятия в художественной студии у Амшея Нюренберга*: «...он приходил туда в студию и там немножко рисовал, но дома самостоятельно, и Нюренберг считал его очень талантливым художником, что он может быть талантливым художником. Ну, я с ним тоже, с Багрицким, встречался. Так вот, я говорю о том, насколько был город культурный... насыщенный культурой. Я вам рассказывал, что туда приезжали знаменитости западные, приезжали в Одессу со своими концертами. Кроме того, очень часто приезжала опера итальянская, которая некоторое время выступала или играла в Одесском оперном театре. Вот отсюда ясно, что этот город уже был известный». Багрицкого Мидлер описывал как очень худенького юношу в желтовато-зеленоватом костюмчике и гетрах.

После окончания Одесского художественного училища Мидлер хотел вместе с Нюренбергом и с родителями уехать в Париж: «Замысел был таков, что так как они портные, значит, они могут там открыть мастерскую свою. Я, познакомившись немножко с французским языком, смогу быть приемщиком заказов. Они будут исполнителями. Это была одна мысль. Или вторая мысль была, что я и Нюренберг, мы откроем в Париже художественный кабачок, куда будут приходиться художники, мы сами распишем этот самый кабачок, и мы будем на этом основании иметь свой заработок и будем дальше изучать искусство. Это было в июне месяце 1914-го года...». Но планам не суждено было сбыться – началась война.

Оставшись в Москве, Виктор Мидлер занимался в художественных студиях Константина Юона, Ильи Машкова, Роберта Фалька и Владимира Татлина; у Татлина в мастерской он познакомился

---

* Амшей Нюренберг преподавал в школе-студии «Свободная мастерская», открывшейся 3 октября 1918-го в художественной студии Ю.Р. Бершадского, расположенной на Екатерининской, 24. Помещение они делили с Александрой Экстер.

с Любовью Поповой и Надеждой Удальцовой. Первой выставкой, на которой была показана его работа, стала Выставка картин и скульптур художников-евреев (апрель 1917 – июль-август 1918), организованная Московским отделением Еврейского общества поощрения художеств. В Москве он не раз встречался с Давидом Бурлюком.

В 1917 году Мидлер вернулся из Москвы в Одессу, которая была тогда под властью Скоропадского, чтобы забрать своего брата, и застрял в Одессе на два года – перемещаться по стране, охваченной Гражданской войной, было небезопасно. В Одессе он вновь встретился с Амшеем Нюренбергом, страстным симпатиком большевиков, и работал с ним рука об руку. В октябре 1918-го в помещении художественной школы Юлия Бершадского открылась свободная мастерская пластических искусств с тремя отделами: станковой живописи, декоративной живописи и скульптуры. «Задачи мастерской – создать артель художников, свободных от всякой литературности и всевозможных видов эстетизма», – гласило объявление в одесском театральном журнале «Фигаро». Руководителями мастерской были Амшей Нюренберг и Юлий Бершадский, а лекции читали Венимамин Бабаджан, Филипп Гозиасон и Виктор Мидлер.

В том же 1918 году Виктор Мидлер вступил в Общество независимых художников и принял участие в очередной выставке общества, прошедшей в Городском музее изящных искусств с 1 декабря 1918 по январь 1919 года. Когда весной 1919-го город заняли большевики, часть художников во главе с Амшеем Нюренбергом пошли на службу новой власти. Уже в начале апреля Нюренберг возглавил подотдел пластических искусств при Губнаробразе, одной из первых задач которого стало украшение города к первомайскому празднику. Руководителями работ стали Нюренберг и Александра Экстер. В рамках празднования был открыт прием эскизов по сооружению временного памятника жертвам революции (на Куликовом поле), арок, трибун для ораторов, подмостков для оркестров, скульптурных украшений, плакатов, стягов, знамен, гирлянд, и Виктор Мидлер был одним из тех, кто рассматривал проекты. «Независимые» принимали участие и в конкурсах на лучший агитплакат,

организованных художественным отделом агитпропа и политуправлением окрвоенкома в мае 1919 года, – за победу в конкурсе можно было получить такую необходимую в голодное время премию. Премированы были работы Нюрнберга и Мидлера, и скандал разгорелся из-за того, что они же состояли членами жюри. Разбирательство ни к чему не привело – в августе город заняли денкиинцы. Входил Мидлер и в возглавлявшуюся Нюрнбергом комиссию по охране художественных ценностей, переименованную позже в губернский комитет по охране памятников искусства и старины, – вместе с Сигизмундом Олесевичем, Сандро Фазини и Теофилом Фраерманом.

Принял Виктор Мидлер участие и в 1-й народной выставке картин, плакатов, вывесок и детского творчества, которая открылась 8 июня в Городском музее изящных искусств.

Осенью 1919 года он уехал в Москву, а в 1920-м был командирован в Туркестан в качестве заместителя председателя Туркестанского комитета по делам музеев, охраны и реставрации памятников старины, искусства и природы и заместителя заведующего Туркестанским ИЗО Наркомпроса. В 1923 он вернулся в Москву, работал в Третьяковской галерее, где до 1929 года был хранителем отдела новейшей русской живописи. В 1927 году Мидлер был командирован во Францию для подготовки выставки «Современное французское искусство» с участием русских художников-эмигрантов и заодно пытался уговорить вернуться в Россию Александра Бенуа и Константина Коровина – безуспешно. Был секретарем объединения «4 искусства» (1928-1929), членом Ассоциации художников революционной России (1929-1931), одним из учредителей и членом правления (до 1937) Московского союза художников; организовывал крупнейшие выставки 1930-х: «Художники РСФСР за 15 лет» (1932-1933); «15 лет РККА» (1933), «Индустрия социализма» (1939), а также «Искусство Советской России» в США (1934).

После возвращения из эвакуации (находился в Пермской области) с 1947 по 1970 работал художником в «Мособлхудожнике». В 1956 году Виктор Мидлер вновь встретился с Давидом Бурлюком – об этом рассказала Виктору Дувакину Берта Александровна Мидлер. После тридцати шести лет жизни в эмиграции (Бурлюки

в 1920 уехали в Японию, в 1922 – в США) Давид и Мария Бурлюк впервые приехали на родину. В один из дней Давид Бурлюк выказал желание побывать на выставке своего старого знакомого, Мартироса Сарьяна, но Сарьян часто опаздывавшего Бурлюка так и не дождался и попросил сделать это Мидлера. Старое знакомство возобновилось – Бурлюк при встрече вспомнил Мидлера и записал его адрес.

«После этого началась очень большая переписка с нами, – вспоминал Мидлер. – Не только переписка, но он стал нам посылать, непрерывно посылать издания, которые выходили в Нью-Йорке, собственно, издателем он был сам и его жена Мария Никифорова. <...> И у нас сохранилось значительное число этих изданий – и писем, и изданий. Кроме изданий печатных он клеивал во многие журналы собственные рисунки, <...> личные портреты – оригиналы, не то что какие-нибудь копии или репродукции, а оригиналы. Почти, можно сказать, что через каждые несколько журналов всегда были вклеены его рисунки».

27 апреля 1964 года Давид Бурлюк отправил Мидлерам открытку:

«Дорогие, милые Виктор Маркович и Берта Александровна! Сейчас 11 часов ночи. Просматривая одну из моих верхних полок «с книгами», нашел каталог «Семь лет Art exhibition 1934-35-го года. Дейнека, Герасимов, Грабарь, Петров-Водкин, Нисский, Мидлер Виктор Маркович», – возраст – «(1888): «Красные матросы», «Учебное плавание». Репродуцировано в каталоге из 689 картин всего 10 репродукций. Видеть выставку и писать о ней для газеты мы ездили в Филадельфию. В каталоге у вашего имени № 22 моя пометка: «Интересно задумана композиция. Масса матросов, веселье, радость». Репродукция – фронтиспис. Пишу вам, думая, что это вам доставит радость. Павел Кузнецов – репродукции нет. Шевченко репродуцирован, в стиле Павла Кузнецова более модерн. Любовь. Привет. Давид, Маруся Бурлюк».

Мечтавший о выставке на родине Давид Бурлюк попросил Мидлера посодействовать ему в ее организации. Несколькоими годами ранее, в 1962 году, он уже пытался организовать на родине выставку к своему 80-летнему юбилею. Давид Бурлюк написал тогда не только в Москву и в Ленинград, но и в Киев, главному

хранителю Киевского государственного музея украинского искусства Дмитрию Емельяновичу Горбачеву:

«Дорогие друзья – директорат музея; я, Давид, Маруся (жена) и наш художественный директор Элла Яффе – можем привезти на Украину в Киев – в Ваш музей выставку Бурлюка – 80-летие – и его друзей – выдающихся американских художников. Хорошо было бы эту выставку организовать на Родной земле Бурлюка Украине – в пику москалям!!! Зависит от Вас.

С приветом Давид, Маруся Бурлюки».

Копию письма без упоминания о «москалях» Д.Е. Горбачев отнес в Министерство культуры СССР, но его ждал отказ и выговор за контакты с эмигрантом. В ответе Бурлюку чиновники написали, что стены музея завешаны другими картинами, и его выставку разместить негде. Однако Бурлюк был доволен и этим – Третьяковская галерея и Русский музей на его предложения даже не откликнулись. «Бурлюку, учителю Маяковского, было отказано справить свое 80-летие на Дорогой Советской Родине – он устроил, первый советский и американский художник, выставку в Австралии и справил свой юбилей 8 мес. путешествием с кистью в руках вокруг мира. До Бурлюка в Австралии был К. Бальмонт», – вспоминала Мария Никифоровна.

И вот через три года, в 1965-м, Мидлер попробовал помочь Давиду Давидовичу с выставкой. Он рассказал об этом Дувакину:

«Иначе говоря, он хотел, как он объяснял, как патриот России, ему хотелось бы, чтобы его деятельность не прошла даром, без того чтобы не было его выставки работ в Советском Союзе. Я с его просьбой обратился в Музей Маяковского, в дирекцию Маяковского. Она (директор музея. – **Прим. автора**) заявила мне, что вряд ли это удастся сделать, потому что сейчас такое время, что с такими выставками приходится очень долго добиваться, чтобы они могли быть сделаны. Кроме того, я обратился к Лиле Брик. Мы с Бертой Александровной побывали у них дома, у Лили Брик, познакомились с ними, и у нас сохранился, кажется, каталог. На квартире Лили Брик нам дали в качестве памятной такой встречи дали нам маленький каталог рисунков Маяковского, которые были изданы, с надписью о нашем визите там. И я опять там повел речь о желании Давида Давидовича

Бурлюка, чтобы его выставили. Не могут ли они помочь в этом вопросе? Ну, опять то же самое было о том, что это очень трудно, что из этого ничего не выйдет и, таким образом, это невозможно сейчас. <...> Я тогда написал Бурлюку, что сейчас это затруднительно, но у меня есть предложение ему такого рода: нельзя ли устроить выставку рисунков Маяковского в Нью-Йорке, поскольку к нему отношение очень ценное в Нью-Йорке, к Маяковскому (когда он бывал там, к нему очень хорошо относились), так нельзя ли устроить выставку этих рисунков Маяковского там, с тем чтобы к этим рисункам Маяковского были присоединены и работы Бурлюка, чтобы была выставка двух деятелей российских там. И тогда, после того как такая выставка будет организована там, она могла бы вернуться в Советский Союз как отдельная выставка Маяковского и Бурлюка».

Увы, эта идея тоже не осуществилась – здоровье Давида Давидовича уже не позволяло ему заняться таким проектом.

Во время второго приезда в СССР, в 1965 году, Давид и Мария Бурлюк побывали дома у Павла Кузнецова и в мастерской Павла Корина. Виктор Мидлер сопровождал их. О визите к Кузнецову Мидлер рассказывал Дувакину (27 марта 1972 года) так:

«В. М.» – Да. Ну, я мог бы еще такую деталь рассказать, что ему очень хотелось побывать на квартире у Павла Кузнецова, когда они были здесь. <...> И так как я очень дружил с Павлом Кузнецовым, а Павел Кузнецов очень хорошо помнил Бурлюка: они вместе учились в Школе живописи и ваяния, так что вместе участвовали в выставках, так что он, конечно, обрадовался, Павел Кузнецов, и пригласил их. Поехали вот кто: сын Василия Каменского, художник... живущий в Москве и ныне... Берта Александровна и я, и затем Давид Бурлюк, и она, значит, жена Бурлюка, поехали к Кузнецову. Ну, Кузнецов очень <...> радушно принял, и мы там просидели довольно долго. И тут мы попросили жену Бурлюка <...> рассказать свои впечатления о Москве. <...> Тут началось замечательное слово женщины, много лет отсутствовавшей в России, но прекрасно и очень культурно, и очень литературно говорившей о своих впечатлениях о Москве. Особенно ее, я подчеркиваю, растрогало то, что она увидела, что купола кремлевских и иных церквей позолочены и блестят, живые,

живущие – то, о чем она не слышала, будучи в Нью-Йорке, или, вернее, рассказывали об их разрушении, об их уничтожении. Я подчеркиваю ее красивую речь, очень старое русское слово на русском, старом русском языке – и вот ее растрогавший этот факт. Ну, вот это я вам говорю последние мои слова относительно Бурлюков.

<...> Бурлюк, живя много лет в Нью-Йорке, сохранил самые дружеские отношения к Советскому Союзу, и был связан с Обществом друзей Соединенных Штатов и Советского Союза».

Давид Бурлюк вел переписку с Виктором Мидлером почти до самой своей смерти. «...память о Бурлюке у нас очень хорошая осталась, очень трогательная, в особенности в последний момент к ней (указывает на Берту Александровну) исключительное, любовное даже, и со стороны его, и со стороны ее, – рассказывал Мидлер Дувакину. – У нас остались очень дорогая память и замечательные взаимоотношения. К сожалению, смерть прервала их».

Ниже приведены письма Виктора и Берты Мидлер Давиду и Марии Бурлюкам, а также письмо Павла Кузнецова Бурлюку. Все письма хранятся в фонде Давида Бурлюка в Исследовательском центре специальных коллекций библиотеки Сиракузского университета в США.

* * *

17 мая 1964 г.

Дорогие Давид Давидович и Мария Никифоровна!

Мы уезжали на 2 нед. из Москвы, а по возвращении обнаружили сюрприз – Ваше письмо с репродукцией от 27 апр.

Вы действительно доставили мне большую радость сообщением о находке каталога с моей репродукцией. Нас очень растрогало, что Вы поспешили тут же сообщить нам об этой приятной находке. Не меньшую радость доставило и то, как Вы отозвались о моих работах.

Ваше письмо – репродукция дошло всего за одну неделю.

Она поражает и захватывает динамикой цвета и линий при удивительно своеобразной композиции. Очень современна по ощущению и очень красива в цвете. Я очень рад и благодарен, что Вы дали нам возможность увидеть образец Вашего Radio-Style.

К сожалению должен сказать, что ничего из того, что Вы перечислили в письме от 10 апреля, – мы не получили.

С любовью и благодарностью за доброе отношение,
В. Мидлер. Любовь и привет от Б. А.

* * *

Следующее письмо сохранено не полностью, но речь в нем идет о посланных Бурлюку открытках с репродукциями работ Мидлера:

«...ней, как и о других моих работах, на основании фото, которые я Вам послал. Жаль, что они были не в цвете, т. к. (позвольте нескромность) считают, что я неплохо справляюсь с этой весьма важной стороной творчества и что я не только «импрессионист».

Мне обидно, что я не имею ни указанного каталога, ни названной репродукции, ни даже фото с них.

Очень хотелось бы узнать, доступны ли для приобретения издаваемые у вас фотографии, напр. Сутина. Нет ли какой-либо возможности приобрести монографию или каталог Сутина. Нет абсолютно никакой возможности увидеть его работы даже в репродукциях.

Имеется ли монография о Вашем творчестве – очень хотелось бы ее иметь.

Вы писали о Вашем желании вспомнить о художниках, которые вместе с Вами учились в Одесской художественной школе в 1909, 10, 11 гг. Мой друг – художник А. Нюрнберг, тоже учился тогда в этой школе (он затем работал вместе с Маяковским в Росте) и помог мне вспомнить о некоторых, а именно:

Фошко – уехал в США. Лаховский, Феферкорн, Колесников И., Матинский, Цалюк, Петровский, Конский и Коновский – оба атлета. О ком из них Вы хотели бы узнать подробнее, я постараюсь выяснить и Вам написать.

Сейчас у нас ночь. Заканчиваю письмо с выражением наших дружеских чувств к Вам – Давид Федорович и Мария Никифоровна.

Ждем Ваших писем.

Виктор Маркович и Берта Мидлер.

Р. С. В письме от 10 апреля Вы пишете, что послали нам («Color and Rhyme» и разные репродукции) «на долгих» – как понять это? Мы, к сожалению, ничего не получили. Мы, конечно, очень этим огорчены. Посылали ли Вы заказной почтой? Привет и самые лучшие пожелания, В. Мидлер»

* * *

23 июля 1964 года Берта Мидлер отправила Бурлюку телеграмму:

«Сердечно поздравляем Давид Давидович исторической датой 82-летием. Желаем долгих лет, здоровья и счастья, неиссякаемого творчества.

Виктор Берта Мидлер».

* * *

Следующее письмо было написано Бертой Мидлер:

«Дорогие и глубокоуважаемые друзья Давид Давидович и Мария Никифоровна!

Позвольте мне осуществить мое большое и давнее желание приветствовать Вас из далекой Москвы.

Я – жена художника Виктора Марковича Мидлер – тоже художница. Я очень давно таила в себе желание вам написать, но до сих пор не решалась, не будучи знакома с Вами лично.

Переписка между Вами и мужем прервалась, едва начавшись, из-за его тяжелой и длительной болезни, от которой он и сейчас еще не вполне оправился, хотя уже начал ходить.

Мы Вас благодарим от всей души за открытку-репродукцию с картины Davida Burliuk'a «Father Time». «Время отцов».

За выраженные в ней добрые чувства и готовность поддерживать с нами письменную связь.

Разумеется, переписка и дружба с Вами была бы для нас очень большой радостью, и я думаю, что если бы не болезнь Виктора Марковича, переписка не прервалась бы. Я очень хочу надеяться на то, что она возобновится. Что касается нас, то это наше самое горячее желание.

Мне хочется напомнить Вам и еще раз поблагодарить Вас за давно присланные Ваши журналы (посвященные Маяковскому). Они наполнены таким интересным материалом, что до сих пор мы их читаем и перечитываем. (Как видите, темпы у нас далеко не американские, приходится ведь читать со словарем.)

Эти журналы вызвали очень большой интерес в среде многих художников и литераторов, и их читали и читают очень многие. А основное – они дают почти полное представление о необычайно глубоком и разностороннем таланте Давида Бурлюка и о его кипучей и такой плодотворной деятельности.

Как бы хотелось увидеть его работы в подлинниках на выставке.

Хочется пометчать о том, что это осуществится, и о том, что Вы опять приедете в СССР, и я буду иметь надежду познакомиться с Вами лично.

Я была на выставке американской графики. Многое мне очень понравилось. И гравюры, и офорты, а особенно поразило удивительно широкое и разнообразное применение графики, чуть ли не во всех областях жизни. И очень высокое техническое мастерство. Американцы на выставке были очень приветливы и доброжелательны и вызвали к себе большие симпатии наших зрителей.

С любовью и уважением,
Берта Алекс. Мидлер»

* * *

Дорогие Мария Никифоровна и Давид Давидович!

Пользуюсь случаем, чтобы Вас приветствовать от себя и от имени жены – Берты Александровны. У нас говорят, что Вы скоро развернете персональную большую выставку своих работ. Очень хотелось бы нам побывать на Вашей выставке. Если будет каталог, будем рады его от Вас получить. Посылаю Вам сохранившиеся фото с некоторых моих работ, сделанных в разные годы. К сожалению, они не цветные и сужают возможность иметь должное представление.

Желаем Вам творческих удач и крепкого здоровья,
Виктор Маркович и Берта Александровна Мидлер.
P. S. На обороте перечень: 11 шт. фото.

1. «Кафе на Монмартре». Масло.
2. «Париж. Собор Парижской богородицы» – рисунок.
3. «У моря» – рисунок.
4. «Сбор чая» – масло.
5. Фрагмент композиции «На чайной фабрике» – масло.
6. «Рыбацкие лодки» – рисунок.
7. «Пейзаж» – рисунок.
8. «Крым. Домики на побережье» – масло.
9. «Студентка» – масло.
10. «Рыбацкий поселок» – рисунок.
11. «Цветущие яблони» – масло.

* * *

Москва, 12 июля 1965 г.

Дорогие Мария Никифоровна и Давид Давидович Бурлюки!

Поводом для этого письма служит не только дата приближающегося Вашего, Давид Давидович, дня рождения. 83 года – хороший возраст, особенно для человека, который использовал его творчески всесторонне. Вот мы сейчас празднуем 85-летие нашего общего друга – Сарьяна Мартиросовича Сергеевича. Здесь развернута большая ретроспективная выставка его работ, и мы свидетели того, как многие зрители подходят к старику Сарьяну и благодарят за «принесенную радость в их жизнь». Весной этого года мы также чествовали «молодого художника», нашего друга – Павла Кузнецова с выставкой, посвященной 60-летию творчества прекрасного художника. Ему исполнилось 86 лет. Вы, Давид Давидович, моложе на 2-3 года, и как они – тоже не старик! В каждом Вашем письме, в каждой посылке явствуют мысли, действия и энергия человека, полного творческих сил и деяний. Вот с ними я и Берта Александровна Вас сердечно поздравляем и выражаем пожелания, чтобы Вы еще на многие годы сохранили эти прекрасные качества. Мы цитируем Ваши же слова: «Я в этот мир пришел, чтоб встретиться с словами»... Разве только со словами – как поэт, а как художник – творивший произведения живописи? Ведь о Вас произносили и писали: «Бурлюк видит след, оставленный им в поэзии и живописи, борозды новизны новатора, отмеченной историками культуры в странах мира – будучи тесно связан

с именами Хлебникова, Маяковского, В. Каменского, Кандинского, К. Малевича и др. Трогают слова о «безграничном многолетнем внимании Марии Никифоровны к Вам как к поэту и художнику»... Волнуют Ваши стихи «Ноктюрн Шопена» и «Клод Моне», Монтичелли... «Ты ненавидел ровную поверхность. Всегда любил волнующий рельеф. Тебя влекла «абсурдная» трехмерность. Творил ты, красок не жалея. Ты взвешивал, ощупывал предметы»...

Этот образ близок Вашему искусству. О Сезанне Вы сказали: «Пройдут (года) столетия, но в сонмище картин Сезанн останется ликующим примером»... Также о Моне, Сислее, Писарро... Примерами Вашей творческой любви к этим мастерам служат Ваши произведения, в которых замечаем, казалось бы, несколько позднее, частое возвращение к их пластическим, живописным принципам, не изменяя свойственной Вашему искусству близости к «примитивизму» – не схематизированному, а насыщенному живым чувством реального, в быту, в пейзаже, в натюрморте... Примеры: в 1910: – «Steppe», «Один из моих предков», в 1950 г. «Tangier market», а в 1957 г. «Flowers on Sea Shore», и в 1962 г. – «Saga of Positano»... И все они после «Power Station on New York City on Harlem River» – 1924 г. – отмеченный Вами как «Радио стиль». Я ни в коей мере не считаю эту разнохарактерность признаком эклектизма в Вашем искусстве, так же, как нельзя обвинить Пикассо, когда он наряду с реалистическими портретами сына, жены, Волляра и др. создает образцы «сюрреализма», чуть ли не «абстракционизма», после «кубистического» портрета Волляра и др. Нам жаль, что среди присланных Вами цветных, хорошо напечатанных репродукций, нет в цвете таких Ваших интересных работ, как «Один из моих предков» – 1910 г., «Красный конь» – 1926, и т. п. В памяти о них сохранилось не очень четкое представление. Мы обрадовались рисункам портретов Маруси Бурлюк, Эсфирь Лесс – 1936 г. и др. – вкладки в журналы. Хотелось бы видеть в цвете работы братьев Соуер. Они кажутся серьезными художниками. Еще раз благодарим за щедрую посылку Вашу – журналы, в которые мы с интересом и вниманием вчитываемся и всматриваемся. Многие наши друзья-художники очень заинтересовались присланным Вами экземпляром: «Русский вклад в пластический авангард галерея Леванте Милан Рим». Спасибо и за это.

Мы и впредь будем ждать Ваших писем, журналов, открыток и т. п. с большим интересом и любовью!

Ваши друзья – Виктор Маркович Мидлер и Берта Александровна.

Постскриптум: Рассказывая о выставках П. Кузнецова и М. Сарьяна, мы в то же время думаем о возможной организации такой же выставки Ваших произведений в ближайшие 1-2 года у нас. Для этой цели надо обратиться: а) в Министерство культуры СССР и б) в об-во друзей США – СССР.

* * *

Письмо от Павла Кузнецова:

Москва 24-го

Глубокоуважаемый Давид Бурлюк,

Посылаю Вам свою монографию для ознакомления с моим творчеством, т. к. мы с Вами не виделись бездну лет, и хотелось бы, чтобы Вы тоже прислали книгу о Вашем творчестве. Не собираетесь ли посетить Москву? Вы давно не были. Узнал Ваш адрес от Мидлера.

Мой адрес: Москва 2 – 99.

Карманицкий пер. 2 кв. 22

П.В. Кузнецов

Я и моя жена художница Бебутова* шлем Вам и Вашей жене сердечный привет.

---

* Бебутова (Бебутова-Кузнецова) Елена Михайловна (25 января 1892 (Санкт-Петербург) – 25 апреля 1970 (Москва)). Живописец, график, сценограф.